

города и возвратиться обратно. При отступлении его войско и сам полководец были уничтожены скифами и гетами, о чем свидетельствуют античные авторы — Макробий⁶, Курций Руф⁷ и Юстин⁸. Вполне возможно, что вещи олонештского клада принадлежали военачальникам Зопириона. К такому мнению нас склоняет как содержание клада, так и его местоположение.

Если взглянуть на карту северо-западной части Причерноморья и представить себе возможный путь отступления Зопириона, то можно увидеть, что наиболее удобно переходить Днестр было именно около совр. села Олонешты. Следует отметить и тот факт, что во второй половине IV в. до н. э., т. е. во время похода греков, прекращается жизнь на Роксоланском и Надлиманском городищах, расположенных на западном берегу Днестровского лимана. Эти поселения, вероятно, оказались в зоне военных действий.

Г. П. Сергеев

⁶ M a s t., Saturn., I, 11, 13.

⁷ C u r t., X, 1, 43.

⁸ J u s t., XII, 2 16.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ОЛЬВИЙСКОГО ДЕКРЕТА В ЧЕСТЬ ПРОТОГЕНА

Основная тема, затрагиваемая в настоящей статье, уже давно привлекает внимание исследователей. Надпись, о которой идет речь¹, исключительно содержательна. В тексте, выдержанном в трафаретной форме почетных декретов, рассказывается о ряде важнейших фактов жизни Ольвии, существенно дополняющих представление об этом городе, основанное на других источниках. Эти факты касаются экономического положения Ольвии, ее государственного строя, органов управления, внутренней жизни и той внешней обстановки, которая сложилась в ближайших к городу степях. Особое внимание привлекает отраженное в надписи трудное и напряженное положение, в котором оказалась Ольвия во время, близкое времени издания декрета в честь Протогена. Естественно, что все исследователи, имеющие дело с этим эпиграфическим памятником, не могут не интересоваться вопросом о его дате. Однако вопрос этот оказывается вовсе не простым. Прямых указаний на время в тексте надписи нет; приходится обращаться к признакам другого рода.

Среди признаков, помогающих выяснению датировки эпиграфического документа, один из важнейших — характер его письма: часто время надписи может быть установлено, при этом с полным основанием, именно по шрифту, которым она выполнена. Но бывают случаи, когда этот способ определения времени памятника оказывается затруднительным, иногда и прямо невозможным: это касается главным образом надписей, шрифт которых необычен, своеобразен, не встречает аналогий в датированных эпиграфических документах. В таких случаях исследователям приходится, с одной стороны, заняться изучением шрифта надписи особенно тщательно и детально, с другой, — искать другие датирующие признаки.

Декрет в честь Протогена именно и представляет собой одну из надписей, не имеющих, как было указано, в тексте точной даты и вместе с тем исполненных шрифтом, не относящимся к числу тех шрифтов, время распространения которых твердо установлено в эпиграфике. Отметим также, что и обстоятельства находки декрета остались неизвестными его издателям и исследователям.

¹ IOSPE. I², 32.

Все это обусловило сложную и длительную работу по выяснению датировки рассматриваемой нами надписи: каждый интересующийся этой надписью был вынужден начинать с установления своей точки зрения на наиболее вероятную ее дату. А трудности, о которых у нас уже была речь, привели к тому, что единой точки зрения относительно даты декрета нет у специалистов и до сих пор.

Отсылая интересующихся к опубликованным сводкам высказываний о времени издания декрета в честь Протогена², мы ограничимся здесь лишь самым кратким перечнем основных взглядов по этому вопросу и их обоснований.

Первые издатели декрета в честь Протогена (Г. К. Е. Кёлер в 1822 г., П. Кеппен в 1823 г.) в первых своих статьях не высказались вовсе о дате публикуемой надписи. Однако появление в печати новой надписи, настолько интересной и для истории Ольвии, и вообще для истории древнего мира, не могло не привлечь внимания широких кругов специалистов; делаются попытки определить время нового эпиграфического документа. Колебания в предложенных специалистами датах были в первые десятилетия очень значительными. Кёлер в рецензии на публикацию Кеппена относит надпись без всякого обоснования предложенной даты ко времени Августа и Тиберия; Мальт-Брен (1823 г.) — к III в. до н. э. — 240—200 гг.; Рауль-Рошетт (1823 г.) — ко времени Митридата; Летронн (1823 г.) — к I в. до н. э.; В. С. Шмидт (1836, стр. 357 сл. и 571 сл.) высказывается за III в. до н. э. — 279—213 гг.; А. Бёк (1843 г.) — за II—I вв. до н. э.³ Уже этот перечень, далеко еще не полный, включает, таким образом, весьма различные датировки — от III в. до н. э. до конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. Вместе с тем в работах этого же времени наметились и основные виды источников, служившие исследователям обоснованием предложенных ими датировок. Из этих видов источников главными оказываются два: 1) источники исторические, т. е. те исторические данные, которые содержат текст надписи; 2) характер письма. Из источников первой намеченной нами группы внимание исследователей постоянно привлекали, привлекают и теперь случаи упоминания в тексте декрета негреческих племен, наступавших на Ольвию; среди них важнейшим является упоминание о галатах, известных нам также по сообщениям древних авторов⁴. Но один только факт упоминания галатов не может считаться достаточным для определения времени надписи: именем галатов назывались прежде всего галаты, царство которых существовало во Фракии в период с 279 по 213 г., иногда — скордиски и бастарны, время могущества которых — уже II в. до н. э. Очевидно, исследование вопроса о племенах, угрожавших Ольвии, следует дополнить также и работой над другими видами источников, прежде всего над вторым намеченным нами источником — характером письма надписи.

Необходимость внимательного рассмотрения шрифта декрета в честь Протогена сознавалась специалистами уже в первое время после его опубликования, в том числе теми, кто считал главным критерием для определения этого документа данные исторического характера. Нет надобности останавливаться на каждом или хотя бы на главных из таких исследований; отмечу лишь, что в центре внимания всех, занимавшихся письмом этой надписи, было начертание отдельных букв, отличающихся, как пред-

² Попытки датировать декрет в честь Протогена, имевшие место до 1887 г., изложены в монографии В. В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии», СПб., 1887, стр. 66—86; эта сводка была существенно дополнена им же в IOSPE, I², стр. 43 и 52. Из перечней вышедшей позднее литературы о дате декрета в честь Протогена следует отметить: Ф. С л ю с а р е н к о, Гретько-скитські взаємовідносини II ст. пер. Хр., «Науковий юбілейний збірник в честь Масарика», Прага, 1925, стр. 268 сл.; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 534 сл.; Н. В. Ш а ф р а н с к а я, К вопросу о кризисе Ольвии в III в., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

³ Названия всех этих работ см. IOSPE, I², стр. 43 и 52—54; см. также Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 534 сл.

⁴ P o l y b., IV, 46, 4.

ставлялось авторам, от других букв алфавита надписи и как будто свидетельствующих о более позднем времени, чем могло бы показаться на основании всего остального алфавита надписи. Из видных эпиграфистов времени, предшествующего опубликованию монографии В. В. Латышева и первого издания I тома IOSPE, упомяну, например, Г. Диттенбергера⁵. Алфавит декрета в честь Протогена в большей своей части представлялся Диттенбергеру включающим «обычные» буквы (*litterae volgares*), кроме *кси*, *пи*, *сигмы* и *омеги*; он отмечает также уменьшенные по сравнению с остальными буквами размеры *теты* и *омикрона*. Наличие этих форм создало у Диттенбергера впечатление о шрифте, типичном для более позднего времени, чем III в. до н. э.; но учитывая вероятность соответствия галатов, упоминаемых в декрете, галатам царства Комонтория (279—213 гг. до н. э.), он до специального исследования оставляет вопрос открытым. Таким исследованием явилось более детальное рассмотрение вопроса о датировке декрета в честь Протогена, предпринятое В. В. Латышевым в специальной главе его монографии об Ольвии.

Рассматривая различные взгляды на упоминаемых в декрете в честь Протогена галатов, В. В. Латышев вполне твердо становится в ряд сторонников концепции В. С. Шмидта⁶ о соответствии их тем галатам, царство которых процветало во Фракии в III в.; естественно, перед В. В. Латышевым встал вопрос: возможен ли был такой шрифт в III в. до н. э.? Составив алфавит декрета (см. первое издание IOSPE, I, табл. II), он пришел к выводу, что ни в общем характере письма, ни в начертаниях отдельных букв нет признаков, которые представляли бы серьезное препятствие для отнесения документа к III в. до н. э.: Специальному рассмотрению В. В. Латышев подвергает только две буквы — лунарную *сигму* и *омегу*; но, как он указывает, лунарная *сигма* бесспорно известна в эпиграфических памятниках не только III, но даже IV в., случаи же начертаний *омеги*, сходных с *омегой* декрета в честь Протогена, вообще единичны. В. В. Латышеву в это время было, кроме рассматриваемого декрета, известно их всего два, и относятся они оба к III в. до н. э.

К выводам, сделанным на основании рассмотрения характера письма, В. В. Латышев прибавляет также сопоставление декрета с рядом других ольвийских надписей, когущих быть связанными с ним на основании совпадения имен. В. В. Латышев придает большое значение сделанным им сопоставлениям, видя в них подтверждение своей датировки. В конце главы «Исследований», посвященной вопросу о времени декрета в честь Протогена, автор уточняет датировку — он считает, что собранный им материал дает основание для вывода, что «Протогеновский декрет относится ко времени существования галатского царства во Фракии, т. е. к 279—213 гг. до Р. Хр., и притом скорее может быть отнесен к первой половине этого времени, нежели ко второй» (стр. 86).

Изложенные в монографии В. В. Латышева соображения о времени декрета в честь Протогена были приняты многими исследователями, интересующимися как специально данной надписью, так и вообще историей Ольвии. Сразу после опубликования концепции В. В. Латышева в первом издании первого тома IOSPE ее основательность была признана Ф. Ф. Соколовым⁷. Также Г. Диттенбергер, при первом издании «Sylloge» (1883) не находивший твердых данных, позволяющих точно датировать декрет и скорее склонявшийся в пользу II, чем III в. до н. э., после выхода из печати «Исследований» уже уверенно примкнул к числу сторонников взгляда Шмидта⁸; в третьем издании «Sylloge» декрет датирован 230 г. до н. э. н.⁹. Следует еще отметить, что в статье, напечатанной в 1890 г.¹⁰, В. В. Латышев на основании сопоставления имен

⁵ G. D i t t e n b e r g e r, Syll., I, 1883, № 248.

⁶ RhM, 1836, IV, стр. 357 сл. и 571 сл.

⁷ ЖМНП, 1886, июль, отд. 2, стр. 6.

⁸ Syll., I², 1898, № 226.

⁹ Syll., I³, 1915, № 495.

¹⁰ В. В. Л а т ы ш е в, К истории города Ольвии, ЖМНП, отд. кл. фил., 1890, февраль, стр. 68—71; переиздана в сб.: В. В. Л а т ы ш е в, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 55—59.

встречающихся, с одной стороны, в некоторых ольвийских надписях, с другой, — в одном делосском декрете, приходит к выводу о принадлежности декрета в честь Протогена ко второй половине III в. до н. э. Однако в IOSPE, I² В. В. Латышев, отмечая значение делосской надписи как подтверждающей датировку декрета III в. до н. э., не упоминает о сделанном им заключении о второй половине III в. как наиболее вероятном времени надписи. Так или иначе, принадлежность декрета в честь Протогена III до н. э. он отстаивает во всех своих работах.

Выдвинутая В. В. Латышевым и поддержанная Г. Диттенбергером, а также рядом других историков и эпиграфистов датировка продолжала признаваться правильной многими специалистами и позднее, вплоть до настоящего времени. Но среди сторонников этого взгляда с течением времени отчетливо наметились две группы: одни считали возможной более раннюю датировку — первую половину III в. до н. э., иногда даже начало III в.; другие держались мнения о более позднем времени, во всяком случае о второй половине того же века. Среди первых следует особенно отметить М. И. Ростовцева, в ряде своих трудов об общих судьбах Северного Причерноморья упорно отстаивавшего принадлежность декрета первым десятилетиям III в. до н. э. Параллельно с данными принадлежность продолжало существовать и другое, возникшее еще до опубликования «Исследований» В. В. Латышева, — о принадлежности декрета II в. до н. э.; эта точка зрения также насчитывала и насчитывает немало сторонников. Не углубляясь детальнее в рассмотрение этого последнего течения, отметим, что в основе его, так же как и в основе концепции Шмидта и его последователей, лежат соображения о тех народностях, которые могли быть названы в декрете в честь Протогена галатами ¹¹.

В более близкое нам время вопрос о датировке интересующей нас надписи представляется в литературе в следующем виде. О слишком позднем времени — как I в. до н. э., тем более «времени Августа или Тиберия» — высказываний уже нет; имеются сторонники III в. до н. э., немало голосов раздается и в пользу II в. до н. э. В развивающихся в литературе дискуссиях на данную тему видную роль играют специалисты, подходящие к разрешению поставленного вопроса с точки зрения имеющихся сведений о племенах, населявших в III и II вв. до н. э. причерноморские степи. Привлекается и тот вид источников, который был еще недоступен В. В. Латышеву в период подготовки его «Исследований», — источники археологические: длительные и плодотворные раскопки Ольвии эллинистического времени позволяют ставить и решать вопрос о соответствии или несоответствии той или иной дате того состояния города, которое ярко отражено в декрете ¹². Наряду с этими группами источников не мог не учитываться и характер письма надписи. Но нельзя не отметить, что сколько-нибудь существенных успехов в использовании этого вида источников мы не найдем за весь длительный период, прошедший со времени издания работ В. В. Латышева.

В научной литературе последних десятилетий вопрос этот затрагивался многократно. Исследователи высказывались при этом то за первую половину III в. до н. э., то за более позднее время того же века, то за II в. ¹³. Но, как и прежде, сколько-нибудь детального рассмотрения характера письма надписи мы не встречаем нигде — датировка давалась чаще без ссылки на палеографические особенности декрета, иногда специалисты ограничивались кратким указанием на соответствие выдвигаемой

¹¹ О сторонниках принадлежности декрета II в. до н. э. в период, предшествовавший 1887 году, см. Л а т ы ш е в, Исследования..., стр. 78—82.

¹² См. особенно Г а й д у к е в и ч, ук. соч., стр. 534 сл. Он считает наиболее вероятным время около 230 г., т. е. время, близкое к концу III в. — началу II в. до н. э.

¹³ Из числа сторонников более ранней датировки (первая половина III в. до н. э.) назовем М. И. Ростовцева («Спомон», 1934, т. X, № 1, стр. 2 сл.); ко второй половине III в. — началу II в. до н. э. склонен относить декрет В. Ф. Гайдукевич (ук. соч., стр. 535); близкую датировку — около 230 г. до н. э. — дает К. Пач (С. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, SBAWW, phil.-hist. Kl. т. 214, вып. 1, 1932); ко II в. до н. э. относит надпись Ф. Слюсаренко (ук. соч., стр. 268 сл.)

ими датировки данным палеографии¹⁴. Между тем возможностей для пересмотра вопроса о письме декрета оказалось как будто больше: значительно увеличилось количество известных нам ольвийских надписей, а также надписей, найденных в близких к Ольвии местностях Причерноморья; бесспорны и успехи в развитии методики эпиграфических исследований. И все же, говоря о прифте декрета в честь Протогена, исследователи с большим постоянством продолжают ссылаться на те соображения о прифте надписи и возможном времени этого прифта, которые были высказаны еще в прошлом столетии: приводятся соображения о «серповидной» (или «лунарной») *сигме* и «оригинальной *омега*» с конечным выводом, что «палеографический анализ декрета позволял с равной убедительностью датировать надпись III и II вв. до н. э.»¹⁵.

Бывают, хотя и редко, случаи, когда форма одной, тем более двух букв дает основания для проверки времени надписи. Но, конечно, для «палеографического анализа» прифта рассмотрения единичных букв еще недостаточно. Необходимо подвергнуть внимательному рассмотрению весь алфавит надписи, а также то, каковы в надписи соотношения размеров букв, и затем сравнить полученные результаты с эпиграфическими памятниками, поддающимися датировке. Такую попытку мы и произведем.

Коснемся прежде всего тех двух букв, которые казались некоторым исследователям прошлого столетия свидетельством более позднего времени декрета, чем III в. до н. э. Вопрос о применении лунарной *сигмы* ясен — факт присутствия ее в эпиграфических памятниках не только III, но еще и IV в. до н. э. давно и хорошо известен. Единственное, что стоит отметить, это более частое применение ее в надписях Ольвии эллинистического времени, чем это встречается в эпиграфике других центров Северного Причерноморья. Что касается той формы *омеги*, которую мы находим в декрете в честь Протогена, то она встречается в надписях, конечно, не часто, но и не в единичных случаях; в Северном Причерноморье она применяется и на Боспоре, и в Херсонесе, и в Ольвии (в Ольвии более всего) в сочетании с другими буквами, типичными и для IV, и для III, и для II вв. до н. э. Интересен случай применения иного, чем в декрете в честь Протогена, но сходного варианта этой формы в самофракийской надписи, датированной по имеющимся в тексте указаниям 239—223 гг. до н. э.¹⁶.

В связи со сказанным мы видим, что для проверки датировки интересующего нас декрета факт применения этой формы *омеги* не может быть решающим. Больше могут помочь некоторые другие буквы надписи. Ряд форм свидетельствует о бесспорной тенденции к отступлению от тех начертаний и деталей, которые были типичны еще для классического алфавита и продолжали держаться и в начале III в. до н. э. Познакомимся с этими формами букв. *Альфа*, как известно, в V, IV вв., но большей части и в III в. до н. э. сохраняет прямолинейно очерченную горизонтальную перекладину; в датированных надписях Боспора¹⁷ тенденция к украшению и усложнению прифта сказывается в этой букве в появлении изогнутых боковых линий, иногда с утолщенными концами их, но поперечная линия — всегда прямая. В декрете в честь Протогена *альфа* иногда имеет прямолинейную густу, но чаще — округло-вогнутую. Далее, заслуживают внимания формы букв *лю* и *ню*. В представленных в нашем декрете черты эти родственны у обеих букв. У *лю* верхние углы отличаются от обычных форм в том отношении, что концы средней ломаной линии выступают за пределы боковой линии; все линии иногда прямые, иногда изогнутые (см. табл. на рис. 1). Так же и *ню*

¹⁴ Например, M. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxf., 1922, стр. 87.

¹⁵ Ш а ф р а н с к а я, ук. соч., стр. 13.

¹⁶ Изд. O. Kern, *Aus Samothrake*, «Mitt. d. Deut. Arch. Inst., Ath. Abt.», XVIII, 1893, стр. 348 сл. Указанная форма *омеги* сочетается в этой надписи с более обычным типом той же буквы.

¹⁷ А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович, *Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре*, «Нумизматика и эпиграфика», III, 1962, стр. 9, табл. II, стб. 4, также стр. 13—15.

имеет верхний угол с концом косой линии, выступающим за пределы вертикальной линии: такая форма встречается особенно часто, иногда нарушения обычных очертаний выражены слабее или даже вовсе не выражены; в отдельных случаях неправильности формы еще резче (все главные варианты воспроизведены на таблице). Специального внимания заслуживает представленная в декрете форма *ни*. Она неизменно сохраняет вид широкой и короткой буквы, с короткими, сильно расставленными вертикальными гастами одинаковой или почти одинаковой длины; горизонтальная гаста

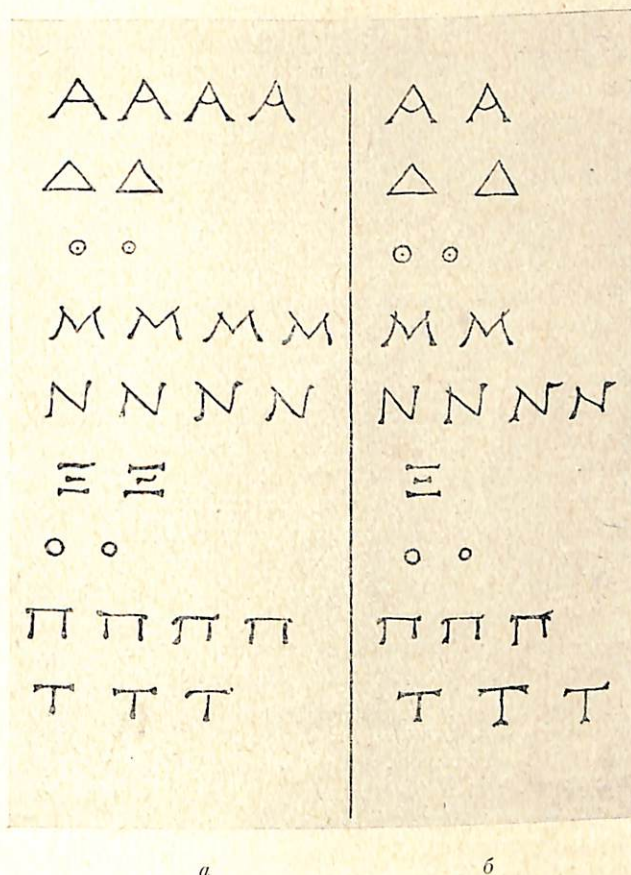

Рис. 1. Формы некоторых букв: а) в декрете в честь Протогена; б) в надписи из Одесса, IGB, I, № 40

покрывает верхние концы вертикальных, выступая в обе стороны от них. Варианты этой формы в нашей надписи незначительны, они состоят в совсем или не совсем одинаковой длине вертикальных линий, также в большей или меньшей изогнутости и верхней, и боковых гаст. Данная форма *ни* вообще распространена, но обычно не в той разновидности, какую мы встречаем в декрете в честь Протогена; она хорошо известна во II и I вв. до н. э., а также позднее, но для III в. — особенно первой его половины — никак не типична. Из надписей Северного Причерноморья, датированных временем до н. э. она представлена в ольвийской надписи времени Митридата Евпатора (IOSPE, I², 35), а также в ряде херсонесских надписей I в. до н. э.¹⁸; среди боспор-

¹⁸ Примеры — в недавно вышедшей книге Э. И. Соломоник «Новые эпиграфические памятники Херсонеса», Киев, 1964; таблица датированных надписей Херсонеса на стр. 189.

ских датированных надписей мы встречаем эту форму только на грани I в. до н. э. — I в. н. э.¹⁹

На остальных буквах едва ли нужно задерживаться — формы их хорошо известны в эллинистическое время. Но необходимо коснуться общего характера шрифта. Следует отметить тенденцию придавать большинству букв очертания короткие и широкие; особенно бросается это в глаза у *дельты*, *лямбды*, *альфы* и, как уже упоминалось, *пи*. У букв, имеющих верхние горизонтальные гасы, эти гасы обычно очень длинные. Вместе с тем отдельные (правда, немногие) буквы имеют очень узкую форму, — например *бэта* (см. рис. 2, стк. 7, в конце). Резко выражено сочетание крупных и мелких букв: особенно маленькие размеры имеют *омикрон* и *тета*. Отметим также склонность к изогнутым линиям. Все эти черты типичны для эллинистического времени; но весь комплекс букв, среди которых есть целый ряд форм необычных, своеобразных, никак не «volgares», а также описанные соотношения между размерами различных букв, их пропорции не являются чем-то обычным, и повторений этот комплекс, во всяком случае в области Северного Причерноморья, не встречает.

Не находя сколько-нибудь близких аналогий письму декрета в честь Протогена в датированных надписях Северного Причерноморья, обратимся к надписям другой области — Западного Причерноморья. Напомним, что сходство с Ольвией в письме центров Западного Причерноморья встречалось нам уже неоднократно. Особенно показательны те случаи когда выяснялось бесспорное сходство в письме надписей, содержащих сведения о времени в самом своем тексте. Ценный для сопоставлений материал дала нам ольвийская надпись IOSPE, I², 181, относящаяся ко времени Тиберия: сходный с этой надписью шрифт как по формам букв, так и по их деталям, имеет абритская надпись, датированная 21—26 гг. н. э.²⁰, а также одна из надписей Истрии времени Августа²¹. Близкие аналогии в эпиграфике Западного Причерноморья встречаются и позже; см. распространенный в надписях Ольвии своеобразный тип угловатого шрифта, особенно известный по надписи времени Александра Севера — IOSPE, I², 184; сошлемся на ряд надписей, найденных в Томах²².

Для декрета в честь Протогена наибольший интерес имеет надпись из Одессы времени понтийского царя Фарнака I (185—170/169 гг. до н. э.)²³. Тех форм, о которых много раз шла речь как об особенно типичных для декрета — особого варианта *омеги* и лунарной *сигмы*, — надпись Одессы не имеет; но ряд форм, встречающихся в декрете в честь Протогена и признанных нами особенно интересными и своеобразными, такие как формы букв *пи*, *ню*, *миу*, а также общий характер шрифта, с сочетанием крупных и мелких букв, со сходными их пропорциями — все это безусловно повторяется и здесь. Это сходство особенно бросается в глаза при ознакомлении с прилагаемой таблицей (рис. 1)²⁴, а также фоторепродукциями обеих надписей (рис. 2 и 3).

Какой вывод следует из всего сказанного? Утверждать, что сравниваемые надписи должны быть одновременны и что, следовательно, декрет в честь Протогена датируется началом II в. до н. э., я не решаюсь. Надписи имеют черты сходства, но все же они никак не идентичны. Уже упоминалось различие форм *сигмы* и *омеги*; кроме того, надпись Одессы отличается значительно большим количеством орнаментальных деталей, особенно апексов. Можно лишь и даже должно учитывать факт наличия надписей начала II в. до н. э., которая имеет в своем письме слишком много общих особенностей с письмом декрета в честь Протогена, чтобы допустить значительную разницу между этими двумя документами и во времени.

¹⁹ Болтунова и Книпович, ук. соч., стр. 10, табл. III, стб. 2.

²⁰ IGB, II, 743.

²¹ «Histria», I, 1954, стр. 511, № 9.

²² J. Stoi an, Tomitana, «Biblioteca de Archeologie», IV, 1961, табл. XXII, 1; XXIX, 5; XXXV, 1 и др.

²³ IGB, I, 40.

²⁴ Пользуюсь случаем выразить горячую признательность научному сотруднику музея Варны Г. Тончевой, приславшей мне фотографию и эстамп надписи из Одессы.

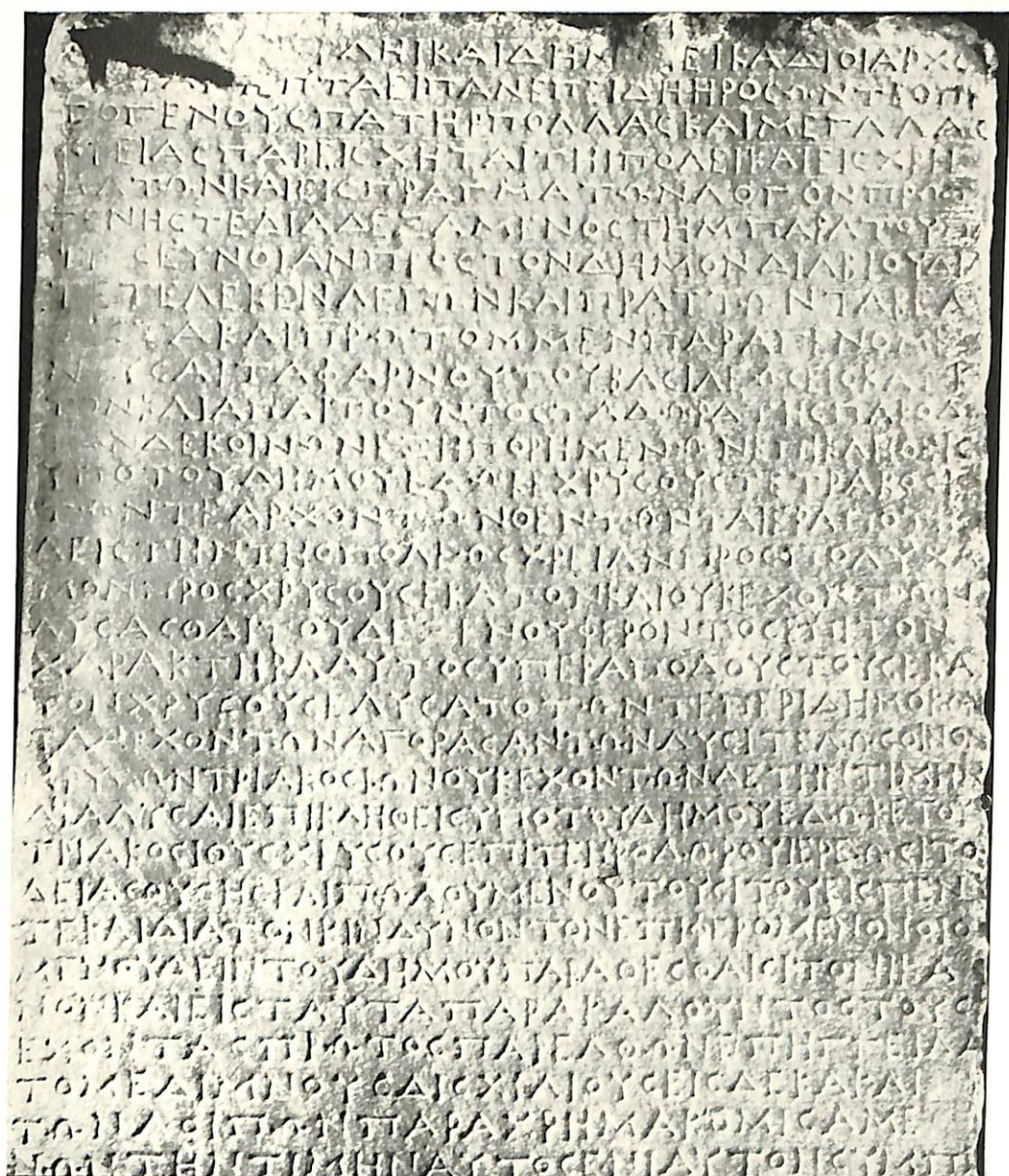

Рис. 2. Часть декрета в честь Протогена, сторона а, верх
(фотокопия с надписи)

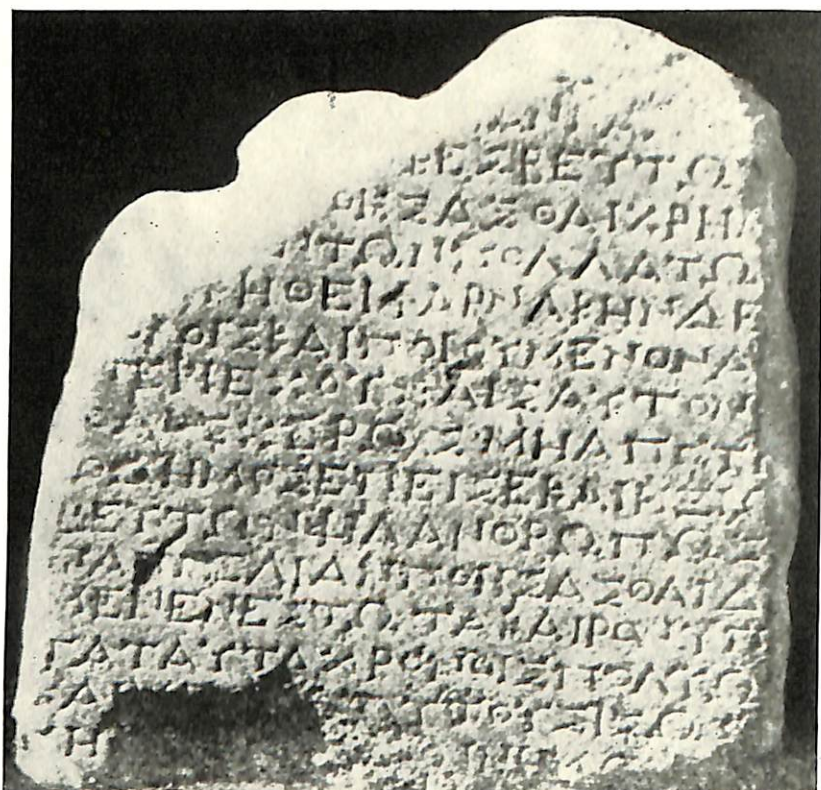

Рис. 3. Надпись из Одесса, IGB, I, № 40
(фотокопия с надписи)

Подведя итоги сделанным наблюдениям, можно прийти к следующим выводам. Палеографические особенности говорят против возможности отнести надпись к началу, даже вообще к первой половине III в. до н. э.: нет ни одной из тех форм, которые типичны для столь раннего времени. Итак, бесспорна принадлежность декрета в честь Протогена во всяком случае времени не более раннему, чем вторая половина III в. до н. э.; более вероятно время, близкое к концу III в. до н. э. Начало II в. до н. э. не может быть абсолютно исключено, однако оно, конечно, не доказано.

Настоящая статья не ставит перед собой задачи попытаться выяснить время декрета в честь Протогена путем собирания и изучения всех видов источников: внимание в ней было сосредоточено лишь на том, что может дать характер письма надписи для определения ее времени. Однако некоторые соображения могут быть высказаны и на основании того обзора различных взглядов на время декрета, который был представлен выше. Отнесение декрета к концу III—началу II вв. до н. э. гораздо больше соответствует выяснившейся на основании археологических исследований картине жизни города в III в. до н. э., чем датировка надписи первыми десятилетиями III в. до н. э., так упорно отстаивавшаяся М. И. Ростовцевым. Вопрос об определении угрожавших Ольвии галатов, конечно, сложнее — последнее слово здесь, по-видимому, не сказано. Но если и принять взгляд Шмидта о соответствии их галатам фракийского царства Комонтория, придется только высказаться за последние десятилетия III в. до н. э., исключив даже начало II в. до н. э.

В определении даты декрета исчерпаны, конечно, не все возможности: следует детальнее исследовать стиль документа, его орфографические особенности. В данной статье мы ограничились лишь попыткой подойти к декрету с точки зрения его палеографии.

Т. Н. Клипович

МАТЕРИАЛЫ К СОБРАНИЮ ДРЕВНИХ НАДПИСЕЙ САРМАТИИ И ТАВРИДЫ

6. ДОПОЛНЕНИЕ К ЭПИГРАФИЧЕСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ О ТИРЕ¹

Вряд ли о каком-либо из античных городов Северного Причерноморья мы знаем так мало, как о Тире. Несмотря на несомненные успехи советской археологии, о судьбе города, особенно в первые века его существования, все еще известно крайне недостаточно². Одна из причин такого положения заключается в том, что античная литературная традиция хранит о Тире почти полное молчание, так что едва ли не главным свидетельством древних авторов о Тире являются беглые упоминания периплов, удостоверяющих милетское происхождение города. Не приходится подчеркивать, как велика при таких условиях роль каждого лапидарного документа, принадлежащего Тире или содержащего упоминание о городе либо о его гражданах. Среди них привлекает внимание недавно найденный декрет каллатийцев в честь неизвестного по имени гражданина Тиры, опубликованный Д. М. Пиппиди³. Так как издатель изучает документ главным образом с точки зрения его значения для истории Каллатии, целесообразно рассмотреть его как источник по истории Тиры.

Новый памятник был случайно обнаружен в 1961 г. при работах в старинной мечети современной Мангалии; он представляет собой обломок правой верхней части мраморной плиты с фронтоном и акротериями; на мраморе сохранились остатки

¹ См. ВДИ, 1959, № 4, стр. 111 слл.; 1962, № 3, стр. 141 слл.

² А. И. Фурманская, Античный город Тира, сб. «Античный город», М., 1963, стр. 40—50; ср. E. Diehl, Tyras (2), RE, VII-A, 1948, стб. 1850—1863.

³ D. M. Pippidi, Décrets honorifiques de Callatis, «Dacia», нов. сер., VI, 1962, стр. 469—473, № 1.